

На правах рукописи

ХАРИТОНОВА Анна Владимировна

**ОБРАЗ СМИРЕННОЙ ГЕРОИНИ В СОВРЕМЕННОЙ
РУССКОЙ ПРОЗЕ: ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ**

**5.9.1. Русская литература
и литературы народов Российской Федерации**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Калининград

2023

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Дорофеева Людмила Григорьевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент
Мосалева Галина Владимировна
(ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», профессор кафедры истории русской литературы и теории литературы)

кандидат филологических наук, доцент
Бычков Дмитрий Михайлович
(ФГБОУ ВО «Астраханский государственный технический университет», доцент кафедры иностранных языков и речевых коммуникаций)

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Защита состоится 22 декабря 2023 г. в 11.30 на заседании диссертационного совета 24.2.273.05 на базе Балтийского федерального университета им. И. Канта по адресу: 236022, г. Калининград, ул. Чернышевского, д. 56-а, ауд. 22.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Балтийского федерального университета им. И. Канта: <https://kantiana.ru/postgraduate/dislist/kharitonova-anna-vladimirovna/>

Автореферат разослан _____ 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.Н. Черняков

Общая характеристика работы

Реферируемая работа посвящена исследованию образа смиренной героини, выявлению его традиционных и новых черт в произведениях писателей современной русской реалистической прозы.

Вопросы преемственности национальной культурной традиции, ее ценностно-смысловой сферы, специфики ее воплощения в русской литературе являются фундаментальными для отечественной филологической науки. Это подтверждается высказыванием М.М. Бахтина: «Литература составляет неотрывную часть целостности культуры, ее нельзя изучать вне целостного контекста культуры» [Бахтин, 1979а: 329], полнота произведения «раскрывается только в большом времени культуры» [Там же: 333].

Традиция заключает в себе неисчерпаемый потенциал воздействия на культуру, поскольку, сохраняя ценностные доминанты, сопрягается с процессами обновления, творческого развития и прогресса. Стремление к обновлению традиционных нарративов присуще творчеству многих современных авторов и находит свое непосредственное отражение в образах создаваемых ими героев.

Сложность поиска положительного литературного героя осознавалась Ф.М. Достоевским, отмечавшим безмерность задачи изобразить «положительно прекрасное лицо» [Достоевский, 1985, Т. 28: 251]. Эта сверхзадача является ключом к пониманию проблемы, к которой мы обращаемся в своей диссертационной работе: попытке современных авторов найти и воплотить идеальный художественный образ, ориентируясь на евангельский идеал и библейскую традицию.

Для современной литературы данная задача осложняется тем, что в новейшей прозе 1990 – 2000-х годов¹ господствует тип героя с мятущимся сознанием, отличающийся раздробленностью характера, лишенный нравственных и духовных ориентиров. Выстраивая новые идеалы свободы и независимости, авторы современной отечественной прозы часто выводят на первый план героинь, находящихся «вне традиции и ритуала, вне обязательств и общины» [Ковтун, 2022а: 115].

Преобладание в современной прозе подобного типа героинь нового, «идеального» для своей эпохи, естественно порождает и стремление найти и воплотить на страницах литературных произведений *вневременной идеал*, определяемый причастностью вечным ценностям, составляющим ядро национального культурного сознания. Для решения этой непростой задачи современные авторы в лице Е.Г. Водолазкина, А.Н. Варламова, В. Костерина, протоиерея Н. Агафонова и др. обращаются к тому, от чего массовая литература последних десятилетий старалась дистанцироваться, ценности чего переосмысливала и обыгрывала, используя постмодернистский дискурс, – к христианской традиции.

¹ Под 2000-ми годами имеется в виду весь период вплоть до настоящего времени.

Примеры вневременного человеческого идеала в сознании русского человека неразрывно связаны с понятием святости, ставшей для него «высшим идеалом, высшей духовной ценностью» [Топоров, 1995: 11]. Не случайно в поисках «современного» воплощения идеального образа российские писатели обращаются к Книгам Ветхого и Нового Завета и древнерусским агиографическим текстам. Создавая женские литературные образы, авторы направляют свое внимание к образу Божьей Матери, в личности которой человеческий род достиг высочайшего идеала. Ее слова, приведенные в Евангельском сюжете Благовещения, – «Се Раба Господня; да будет Мне по слову твоему» (Лк. 1, 38), – стали, по мнению богослова П. Флоренского, образцом *высочайшего смирения* и послужили спасению всего человеческого рода [Флоренский, 1907].

С. Аверинцев отметил особую связь образа Богородицы с житиями: «Для русского народа Богородица <...> – Мать. <...> материнская и милосердная женская святость в миру являлась темой очень ярких и необычных текстов житийной литературы, занимающих весьма почетные места в истории древнерусской словесности» [Аверинцев, 2000]. На особую роль женских образов в русской литературе, а также присущее им качество смирения, как доминантную характеристику женских героинь, обращал внимание Ф.И. Буслаев в своем фундаментальном труде «Идеальные женские характеры Древней Руси» [Буслаев, 1861]. Сходные воззрения характерны и для работ современных ученых-литературоведов [Ужанков, 2007; Жилина, 2009; Дорофеева, 2019 и др.].

При этом мы с полным основанием можем утверждать, что поэтика героини смиренного типа до сих пор не получила системного осмысления в содержательном и аксиологическом, ценностно-духовном плане. Вне поля зрения ученых остается типологическая природа сходства смиренных героинь, кроющаяся в *генезисе* данного типа.

Вышесказанным определяется **актуальность** нашего исследования, обусловленная отсутствием системных научных исследований образа смиренной героини в современной прозе и одновременно возрастающим интересом научной филологической мысли к культурному и духовному контексту современной русской литературы. Обращение в рамках выполненной работы к христианской традиции как к объединяющему началу национальной литературы отвечает не только собственно литературным, но и социокультурным вызовам современности.

Научная новизна исследования заключается в описании героини смиренного типа как идеальной, в выявлении ее генетической связи с древнерусской агиографией, Священным Писанием и Преданием. В работе впервые проводится системный анализ путей формирования идеального женского образа, начиная от древнерусских текстов до образов, воплощенных в современной литературе; определяются типологические черты, свидетельствующие об этически центральном положении смиренной героини среди иных типов героинь русской литературы.

Объектом исследования в диссертационной работе выступает творчество писателей современной русской реалистической прозы 1990 — 2000-х годов, **предметом** анализа является образ смиренной героини в ее традиционном и новационном воплощении.

Целью работы является изучение и научное описание традиционных и новых черт образа смиренной героини в литературном контексте современной прозы 1990 – 2000-х годов, выявление генетической преемственности и ценностно-смысловой природы образа героинь смиренного типа и средств его поэтики в отношении к библейской и агиографической традиции.

Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи**:

1) описать черты смиренной героини, явленной в древнерусских житийных текстах, обращаясь как к формальной, каноничной стороне построения образа, так и идейной, аксиологической его составляющей;

2) проследить пути формирования образа смиренной героини в произведениях художественной литературы на примере творчества отечественных писателей «золотого века»;

3) определить влияние героинь смиренного типа на сюжетно-композиционную архитектуру художественного текста;

4) определить и описать черты смиренной героини в текстах современных писателей в их связи с древнерусской традицией, посредством авторского обращения как к внешней форме — житийной топике (мотивам, образам, сюжетам, идеям), так и духовному содержанию через аксиологическую направленность;

5) выявить и описать своеобразие поэтики образа смиренной героини в произведениях современных авторов;

б) определить и описать приемы и художественные средства, трансформирующие поэтику образа смиренной героини, выводящие ее из контекста традиции.

Для решения поставленных задач в исследовании использованы следующие **методы**: герменевтический (как основной) с сопряженными с ним антропологическим подходом и аксиологическим анализом; метод сопоставительного анализа в его историко-генетической и сравнительно-типологической разновидностях, а также структурно-семантический метод.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды А.Н. Веселовского, А.Ф. Лосева, В.Н. Топорова, Д.С. Лихачева, В.В. Кускова, Л.Я. Гинзбург; концепция М.М. Бахтина, предложившего теорию «большого времени», в котором раскрывается «полнота смыслового содержания» произведения; современные концепции изучения образа человека Древней Руси, его смысловой и содержательной составляющей в работах А.Н. Ужанкова, О.В. Бахтиной, Л.А. Черной, Л.Г. Дорофеевой; идеи В.Е. Хализева, В.Н. Захарова, И.А. Есаулова, Г.В. Мосалевой, определяющих принципы изучения русской литературы в аспекте христианской традиции на разных этапах ее бытования. Особую значимость

для работы имеют исследования Т.Р. Руди, подробно описавшей топику женских древнерусских житий.

Для понимания специфики воплощения идеальных женских образов в русской словесности мы обращаемся к классическим работам Ф.И. Буслаева, В.О. Ключевского, а также к современным исследованиям О.Н. Гладковой, А.Н. Ужанкова. В процессе анализа современной прозы основываемся на концептуальных положениях, изложенных в трудах М. Липовецкого, Г.Л. Нефагиной, Н.Л. Федченко, И.А. Казанцевой, описавших доминантные литературные направления в современной русской прозе, а также М.А. Черняк, Я.В. Солдаткиной, характеризующих поиски положительного героя в современной русской литературе как знаковую форму диалога с традицией.

Материалы, составившие основу исследования, представлены малой прозой А. Варламова («Вальдес», «Ангел», «Таинство») и его повестями («Ева и Мясоедов», «Звездочка»); романами Е. Водолазкина («Лавр», «Авиатор», «Оправдание Острова», «Чагин»), произведениями протоиерея Н. Агафонова (рассказ «Вика с Безымянки», роман «Жены-Мироносицы»), Т. Шипошиной (повесть «Дыханье ровного огня»), В. Костерина (повесть «Снайп»); Л. Улицкой (повесть «Сонечка», роман «Медея и ее дети»).

С целью выявления генетической преемственности образа «смирненной героини», с одной стороны, и новационных черт – с другой, в качестве материала привлекаются Книги Ветхого Завета («Руфь»), древнерусские жития («Повесть о Петре и Февронии Муромских», «Житие Ульянии Лазаревской»), а также произведения писателей «золотого века» русской литературы: А.С. Пушкина (повести «Метель», «Капитанская дочка»), Ф.М. Достоевского (роман «Преступление и наказание»).

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней разработаны основы системного анализа образа смиренной героини в произведениях современной русской прозы в соотношении традиции и новаторства; выявлена его архетипическая основа, восходящая к библейскому тексту как на аксиологическом, так и на формальном уровнях; описаны типологические черты, определяющие принадлежность женских образов современной прозы к смиренному типу. Сделанные в диссертации выводы способствуют формированию представлений о своеобразии идейно-ценностного пространства современной национальной литературы и расширяют представление об идеальных типах женских героинь.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования материалов диссертации для обращения к историко-литературному процессу трех культурных периодов. Материалы исследования могут быть использованы в рамках вузовских курсов по древнерусской литературе, литературе первой и второй трети XIX века, современной литературе, а также в спецкурсах, посвященных изучению русской литературной традиции.

Положения, выносимые на защиту:

1. В произведениях авторов современной русской прозы в качестве идеальной представлена героиня смиренного типа, сохраняющая духовно-нравственную доминанту, воплощенную в женских образах, принадлежащих текстам Священного Писания и древнерусской агиографии.

2. Ценностно-смысловое пространство героини смиренного типа расположено в универсальных для смиренного героя категориях теоцентричности, синергичности, провиденциальности. Их синергетика отражает специфику женского предназначения в его библейском смысле и определяет доминанту образа праведной жены в древнерусской агиографии, как *помощницы* в деле духовного становления, преобразования и спасения ближнего.

3. Ориентированность героини смиренного типа на духовное преобразование и спасение является концептуальной основой для корреляции смиренного женского образа с сюжетом трехчастного типа, реализуемого в нескольких вариациях: через линии «сотворения – грехопадения – воскресения», если героиня или ее суженый показаны в *пути* к обретению смирения, или «сотворения – искушения/испытания – воскресения», если смирение изначально присуще героине.

4. В прозе Л. Улицкой обращение к традиции изображения смиренного героя сопряжено с его трансформацией. Житийные элементы в произведениях писательницы используются в качестве формальной основы для конструирования художественного образа, а аксиологическое наполнение редуцируется или искажается посредством использования приемов иронии и пародии, характерных для постмодернистского нарратива.

5. Создаваемые А. Варламовым в произведениях малой прозы образы идеальной героини объединены идеей спасения, актуализируемой вариативным спектром: от спасения физического до душевного и духовного преобразования. Инвариантным средством создания образа смиренной героини является обращение автора к агиографической традиции мученического жития, наделяющее героиню чертами святости.

6. Специфика обращения к традиции в прозе Е. Водолазкина состоит в соединении в женском образе черт, присущих житийным праведницам и одновременно романским героиням. Житийная топика, используемая автором для создания образа праведницы, усложняется использованием современных художественных приемов и форм. При всей сложности образ не теряет аксиологической цельности и духовно-нравственной принадлежности традиции.

Апробация исследования. Основные результаты работы были представлены в виде докладов на XX Международной научной конференции «Икона в русской словесности и культуре» (Москва, Дом Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына, Музей Русской иконы, 2021), XXIII Международной научной конференции «Духовные начала русского искусства и просвещения» («Никитские чтения») (В.

Новгород, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2023), XI Всероссийской научной конференции с международным участием «Евангельский текст в русской словесности» (Петрозаводск, Петрозаводский государственный университет, 2023), ежегодной Международной научно-практической конференции «Кирилло-Мефодиевские чтения» (Калининград, БФУ им. И. Канта, 2015, 2016, 2019 — 2021, 2023), ежегодном Международном научном семинаре «Агиография в русском культурном пространстве» (Калининград, БФУ им. И. Канта, 2014 — 2019, 2022), а также ежегодных Областных педагогических Кирилло-Мефодиевских чтениях (Калининград, Калининградский областной институт развития образования, 2015 — 2016).

Результаты диссертационного исследования представлены в семи статьях, шесть из которых опубликованы в изданиях, входящих в список рецензируемых журналов ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, в том числе 2 — в журналах, индексируемых в системе Scopus и WoS.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии, включающей 260 наименований.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается выбор темы, актуальность и научная новизна диссертационного исследования, указываются его объект и предмет, формулируются цель и задачи, научная новизна, определяется теоретико-методологическая база работы, теоретическая и практическая значимость исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Тип смиренной героини как идеальный в русской литературной традиции»**, состоящей из трех параграфов, включающих несколько разделов, предлагается обзор научной мысли, обращенной к герою смиренного типа, смирению как понятию, раскрываются методологические установки работы. Определяется и анализируется круг ключевых образцовых текстов и женских образов древнерусской книжности и классической литературы XIX века, которые позволяют выявить типологические черты смиренной героини, свидетельствующие о ней как вневременном идеале.

В **параграфе 1.1. «Тип смиренного героя: к проблеме теории и истории изучения»** рассматривается вопрос об истории изучения героя смиренного типа в отечественном литературоведении.

По малочисленности литературоведческих работ, обращенных в той или иной мере к проблеме смирения и смиренного героя в отечественной художественной литературе, делается вывод, что термин *смиренный герой* не закрепился в литературоведческом тезаурусе. Эта проблема обусловлена, как представляется, двумя обстоятельствами: немногочисленностью героев смиренного типа и отсут-

ствием *адекватных коннотаций* при понимании *сути* типа смиренного героя, связанных, очевидно, с отсутствием понимания *природы* смирения. Это косвенно подтверждается наблюдениями В.Е. Хализева, отметившего тождественность в использовании определения «смиренный тип» и «"обыкновенные люди", "люди простого сознания", "чудаки" или (по Бахтину) "социально-бытовые герои"» [Хализев, 2005: 156]. По мнению ученого «в подобной лексике <...> видится нечто неоправданно сужающее и, больше того, снижающее» [Там же].

Можно предположить, что подобная неоднозначность обуславливает возросшее количество лингвистических и социокультурных исследований, обращенных к вопросу разграничения религиозного и бытового дискурса категории смирения, что отражено в работах А.Д. Шмелева, Ю.В. Кореневой, В.Л. Курабцева, Н.М. Дмитриевой и Е.Н. Линтовской, Н.В. Кузнецовой и других. Здесь смирение осмысливается как основополагающая аксиологическая категория, указывающая на одну из ключевых черт русского народа, отечественный духовный код, определяющий своеобразие русского национального характера, в котором смирение является особой нравственной силой. Сниженное мнение об этом качестве человека как проявлении рабской покорности может быть объяснено как идеологической позицией советской эпохи, долгое время определявшей мировоззренческие ориентиры общества, так и следствием языковых и культурных влияний.

Для решения проблемы семантического плюрализма определяется содержание понятия смирения как на основании словарных статей, так и святоотеческих толкований. Делается вывод, что главная ценность смирения как свойства личности, заключается в способности *уподобиться Богу и тем самым достичь спасения для вечной жизни* согласно словам Христа «научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем» (Мф. 11: 29). Идея спасения объясняет цель человека, явленного в древнерусской агиографии – *уподобиться Христу, что предполагает смирение как способ жизни*. С идеей спасения связаны теоцентричность сознания святого и синергия, заключающаяся во взаимонаправленности воли Высшей и человеческой.

Обосновываются методологические принципы проводимого исследования, необходимость обращения к внешним формам традиции (в частности, евангельской и агиографической топике) через призму аксиологического подхода.

В параграфе 1.2. «Идеал смирения в древнерусской агиографии: образцы женского благочестия», состоящем из двух разделов, проводится детальный анализ женских агиографических образов Февронии Муромской («Повесть о Петре и Февронии Муромских») и Ульянии Лазаревской («Житие Ульянии Лазаревской»). Описываются черты смиренной героини² как на уровне формального построения

² Термин «героиня» в отношении житийной праведницы мы употребляем с известной долей условности, памятуя о том, что древнерусский образ обладает художественностью

образа, через житийную топику, так и на уровне идейной, аксиологической его составляющей.

В подпараграфе 1.2.1. «Концепт помощницы в "Повести о Петре и Февронии Муромских"» рассматривается специфика образа Февронии Муромской.

В повествовании доминируют две важнейшие категории: *смирения* (следование воле высшей) и *своеволия* (следование воле своей, то есть гордости), что объясняет характеристику Февронии и смысл, который в ее образе открывает древнерусский книжник: стать супругой князю, чтобы в полноте супружеского общения и при единстве устремления к спасению, быть на этом пути *помощницей* Петру, проявившему своеволие. *Концепт помощницы*, воплощенный в образе Февронии, определяет все ее действия, изначально направленные к князю Петру именно как к супругу. Это выражается с помощью *мотива чуда*, через который с образом Февронии связывается *провиденциальное* начало.

Отмечаются также черты, свидетельствующие об индивидуальности образа Февронии: мудрость, решительность, целеустремленность. Ум и разум гармонично сочетаются в Февронии, что позволяет ей видеть волю Божию и, сопрягая ее со своей волей, то есть, воплощая *принцип синергии*, претворять ее в жизнь.

В подпараграфе 1.2.2. «Идея смиренного служения в "Житии Ульянии Лазаревской"» делается акцент на характере подвига Ульянии, который Г.П. Федотов определил как подвиг любви. Особое внимание уделяется топике, выражающей это ее качество: стремление с детских лет к богоугодной жизни, особое отношение святой Ульянии к таинству брака, мотивы послушания и почитания родителей (свекров), аскезы, проявляющейся в молитвах, посте, беспрестанном труде и кротком самоумалении, несмотря на имеющуюся власть.

Стремление Ульянии к монашеской жизни с юных лет объясняет ее выбор по сути монашеского жертвенного *служения* людям в мирской жизни. Акцентным становится мотив труженичества: Ульяния ведет домохозяйство, помогает вдовам и сиротам, шьет ночами одежду нуждающимся, кормит бедных, заботится о больных, во время мора сама омывает усопших, несет непрестанное молитвенное служение. С мотивом труженичества в образе Ульянии сопрягается и концепт *помощницы*.

Отмечается деталь, усложняющая характер Ульянии. Святая, горя верой, настолько стремится к монашеству, что, при всей кротости, ставит своему супругу ультиматум: отпустить ее из дома в монастырь, иначе она уйдет туда без его согласия. Внимая просьбе супруга остаться, святая исполняет евангельскую заповедь: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви» (Еф. 5:22) и исполняет *волю* Высшую, воплощая тем самым *принцип синергии*.

лишь опосредованно, и само художественное начало, проявившееся в этом образе, не есть цель древнерусского книжника.

Анализ образов праведных Февронии и Ульянии позволяет выявить ряд *константных* для смиренной героини черт: духовный уровень образа раскрывается через идею *спасения*, сопряженную с *концептом женщины-помощницы* в деле духовного становления и преображения ближнего (супруга), принцип *синергии*, который, в свою очередь, определяет *провиденциальное* начало в сюжете, связанном со смиренной героиней, что отражается и на окружающем мире, *гармонизируя* действительность. В структуре идеального характера можно выделить *аксиологические категории* кротости, беззлобия, тишины, жертвенной любви, терпения и т.д. При этом поэтика каждого образа, тип подвига святой, ее характер остаются уникальными.

В параграфе 1.3. «Идеал смирения в классической литературе XIX века: пути формирования», состоящем из двух разделов, обозначаются тенденции, свидетельствующие о внимании авторов классической литературы XIX века к евангельскому и агиографическому идеалу женщины. Черты смиренной героини попытались воплотить И.С. Тургенев, Н.С. Лесков, И.А. Гончаров и другие авторы.

На фоне знаковых писателей XIX века, обращающихся к евангельской и древнерусской традиции, особо выделяются А.С. Пушкин и Ф.М. Достоевский. На примере текстов этих авторов, рассмотренных в библейском и агиографическом контекстах, выявляются *константные* черты смиренной героини, свидетельствующие о ее принадлежности контексту Предания. К ним относятся: *теоцентричность сознания*, выраженная в осознанной и прямо проявляемой любви к Богу древнерусских праведниц и присутствующей имплицитно в образах героинь XIX в.; устремленность к *исполнению Высшей совершенной воли* и отречение от воли *своей* как несовершенной (что реализовано через сопряженные мотивы воли / своеволия, свободы выбора); принцип *синергии*, то есть взаимонаправленности двух волей, и связанной с ней *провиденциальности*, воплощающейся в сюжете; пространство художественного мира вокруг смиренной героини устремляется к *гармонии*; гармония связана с *комплексом характерных черт*, присущих смиренной героине, выраженных в *мотивах* внутренней и внешней *тишины, молчаливости, терпения, трудолюбия, жертвенности, милосердия, беззлобия* и т.д.; аксиологическая концепция образа смиренной героини своим ядром имеет библейский архетип *помощницы*, что реализуется в ключевой для женского идеального образа *функции женщины-помощницы*, представленной через поведенческую *модель помощи* как в духовном становлении ближнего, так и в преодолении внешних перипетий; концепт *женщины-помощницы* определяет особую глубинную сюжетную архитектуру произведения через линии *сотворения / благоденствия – грехопадения / искушения / испытания – воскрешения*; единство древнерусских и художественных образов венчает *идея спасения*.

Описываются новые, *переменные* черты смиренной героини, определяющиеся индивидуальностью авторских установок, творческого метода, особенностями авторской поэтики. В частности, переменные черты определяются: 1. В особенностях портретных черт, выраженных на *внешнем уровне*. 2. В авторских акцентах на *типе смирения* каждой героини, определяющих внутренний уровень.

В подпараграфе 1.3.1. «Женские образы А.С. Пушкина в контексте христианской традиции ("Метель", "Капитанская дочка")» выявляется генезис смиренной героини, определяющий ее отношение к библейским и агиографическим образам. Выявляются особенности сюжетной архитектоники произведения, коррелирующие с моделью поведения героини.

Образ Марьи Гавриловны в повести «Метель» рассматривается в контексте образов героинь ветхозаветной книги «Руфь»: смиренной изначально Руфи и отказавшейся от Божественного попечения Орфы. Обнаруживается соответствие сюжетной архитектоники повести с тремя сюжетными линиями, отражающими макроструктуру всей Библии как литературного текста [Янг, 2001]: благоденствие героя (сотворение) – искушение и испытание (грехопадение) – воскресение. Это позволяет определить особенности модели поведения героини, находящейся *на пути к смирению*.

Делается вывод как об идентичности макроструктур книги Руфь и повести «Метель», так и о внутренней градации главных героев повести, непосредственно связанной с подобной сюжетной архитектурой. Отмечается связь текстов на уровне мотивов *воли* (своеволия или смирения), родительского почитания, благоговения, которые занимают особо значимое место в сюжетах прозы Пушкина, указывая на их провиденциальность.

Образ Маши Мироновой в повести «Капитанская дочка» рассматривается в контексте евангельских мотивов и агиографического образа Февронии Муромской. Выявляются константные черты, свидетельствующие о принадлежности героини к смиренному типу. Образ Маши сохраняет доминанту смиренной героини – ориентированность на Высшую волю. Сохраняется и главная функция смиренной героини – *помощницы* в деле духовного становления, что получает свое развитие на внешнем уровне – в сюжете спасения от заключения, и на внутреннем – духовном росте Петра Гринева.

Определяются новые, переменные черты в смиренном образе Маши. Центральным становится акцент, выраженный в полном принятии воли Бога, в *синергии* как главной модели поведения героини, что проявляется в особенностях ее характера и провиденциальном типе сюжета. Этот акцент усиливается образами ее родителей через идею передаваемой от родителей к детям традиции благочестия и смирения.

Родство рассмотренных пушкинских героинь, Марии Мироновой и Марьи Гавриловны, представляющих, по сути, два варианта одного смиренного образа,

позволяет говорить об архетипичности библейского образа в повестях Пушкина, что служит доказательством *генетической связи*, непрерывности духовной традиции в изображении смиренной героини.

В подпараграфе 1.3.2. «Поэтика образа Сони Мармеладовой в романе Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание"» акцентируется внимание на уникальности образа Сони, основанного на идее покаяния как пути к спасению души. Осознание собственной греховности обуславливает в ее образе специфические черты *кающейся грешницы*, воплощая ту меру, которой меряет себя смиренный человек в отношении к Евангельскому Образцу. С идеей кающейся грешницы связаны мотивы плача, покаяния, кроткого несения поругания, тишины, молчания и т.д. Отмечается, что Ф.М. Достоевский строит этот смиренный образ, используя библейские аллюзии, мотивы, идеи, в том числе обращающие читателя к земным страданиям Христа, к образу Богородицы (через особенности хронотопа, символику – в частности, драдедамового зеленого платка). Парадоксальность же образа Сони и своеобразие его как смиренного типа объясняется через полюса «горячности и холода», которыми представлены и Соня, и Раскольников.³ «Горячесть», свойственная Соне, доводит ее жертвенность до почти невозможного предела, до «желтого билета», а ее слово, выражающее ее веру, в сцене чтения Евангелия обретает проповеднические черты, не характерные для ее обыкновенно тихого образа.

Так же, как это свойственно рассмотренным ранее образам героинь, автор реализует в повествовании концепт *женщины-помощницы* в деле духовного становления, в данном случае Раскольникова, что отвечает замыслу романа – показать путь к воскрешению человека.

В главе II. «Поиск идеальной героини в русской прозе 1990 – 2000-х годов» выявляется особенность отношения современных писателей к русской литературной традиции и к новым эстетическим явлениям, характеризующим новейший этап развития отечественной литературы. Очерчивается круг авторов, обращающихся к традиции, анализируются тексты, представляющие идеал женского образа, определяются новые черты, свидетельствующие о развитии традиции в современных текстах.

В параграфе 2.1. «Традиция и новые художественные тенденции в современной русской прозе» рассматриваются обращения к образу смиренной героини авторов XXI века. Специфика литературных тенденций требует обновления привычных читателю художественных форм, эстетической индивидуальности, поиска изящных стилистических решений. Это послужило прецедентом к сбли-

³ Здесь очевидна аллюзия к Откровению Иоанна Богослова: «знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3:15-16).

жению между художественными направлениями реализма, модернизма и постмодернизма, положило начало расцвету их симбиотических модификаций. Рассматривается «духовный реализм» как особое направление, отличающееся ориентацией на религиозно-символическое осмысление действительности, и неомодернизм, способный при сохранении духовно-нравственных акцентов проводить эксперименты с формой и эстетикой текста. Все это открыло новые возможности для писателей, ищущих взаимодействия с библейской и агиографической традицией.

В этих условиях происходящего сближения художественных методов для выявления специфики освоения авторами национальной культурной традиции, основой которой является Священное предание, особую значимость приобретает аксиологический подход при анализе текста. Определяющей здесь становится ценностная позиция писателя в отношении к *самой традиции*, и она представлена двумя типами отношения к контексту Предания [Дорофеева, 2019: 18]:

– автор находится в ситуации «*обратной перспективы*», *предстояния* по отношению к тому, что составляет в произведении контекст Священного предания, которое воспринимается писателем канонически. Тогда преобладают процессы, направленные на *воссоздание* смиренного образа, его ценностно-смысловой основы, что вовсе не исключает возможности использования новаторских форм (В. Костерин, Т. Шипошина, протоиерей Н. Агафонов, А. Варламов, Е. Водолазкин и др.);

– автор находится в ситуации «*прямой перспективы*», определяющей его интенцию к активно-преобразующему началу ценностно-смыслового уровня Священного предания, что влечет за собой *трансформацию* смиренного образа, слом культурного кода, при возможности использования автором вполне традиционных форм (например, в творчестве Л. Улицкой).

Параграф 2.2. «Смирненная героиня как идеал: воссоздание традиции в творчестве современных писателей» представляет обзор произведений авторов современной русской прозы, рассмотренных нами в контексте «большого времени» (М. Бахтин) и связанных с библейской, древнерусской книжной традицией и одновременно с традицией в изображении героя смиренного типа в литературной классике.

Ситуация авторского «предстояния» по отношению к традиции наиболее полно художественно может раскрыться в произведениях, относящихся к методу, который в современной науке обозначается как «духовный реализм» (А.М. Любоумров; И.А. Казанцева). В его рамках развиваются три основных направления: духовная (богослужбные тексты и святоотеческие труды, которые не рассматриваются в работе), православная (к которой относится «иерейская» проза) и светская литературы.

Представитель «иерейской» прозы протоиерей Н. Агафонов рассуждает над идеей смирения в рассказе «Вика с Безымянки». В образе ребенка, девочки Вики, автор воплощает идеал смиренного мировосприятия, полного любви к людям,

вводя в образ девочки категорию сердца как средоточия миропостижения. Анти-тезой чистому детскому образу в рассказе звучат образы взрослых людей, утративших возможность милосердной любви, потерявших способность видеть в другом личность. Галерея смиренных женских характеров представлена в романе «Жены-Мироносицы». Рисуя характеры жен-мироносиц, автор обращается к традиционной топики: мотивам родительского благословения, воспринимаемого как благословение Божие, ожидание небесного, а не земного богатства и др. Указывая на глубину смирения жен-мироносиц, автор подчеркивает их устремленность именно к духовной стороне жизни, противопоставляя сердечное чаяние ими Христа желанию мужчин прагматично освоить мир.

Схожие интенции наблюдаются в творчестве светских авторов. Т. Шипошина при создании смиренных женских характеров использует традиционную топику. Героиня повести «Дыханье ровного огня», будущий врач, воспитана бабушкой, носительницей традиционных ценностей, знающей, как жить в гармонии с миром. Вспоминая заложенные в раннем детстве бабушкой понятия о чести, бесчестии, грехе, Настя пытается выстроить свою жизнь в соответствии с отеческими ценностями. Важность отеческих ценностей, стремление к целомудрию, позволяют предположить глубинную связь образа Насти с пушкинскими женскими образами.

Особого внимания среди светских авторов, обращающихся к традиции, заслуживает творчество литературоведа, искусствоведа В.В. Лепяхина, публикующего свои произведения под псевдонимом Василий Костерин. Основывая свою прозу и поэзию на духовно-нравственных христианских доминантах, В. Костерин следует современным тенденциям и экспериментирует со словом. В повести «Снайп» автор расширяет границы реалистического повествования и использует художественные приемы, характерные для *неомодернизма*. В повести В. Костерин обращается к знаковому для отечественной культуры и литературы образу Сони Мармеладовой и развивает идею покаяния и спасения души нового Раскольникова, киллера Романа, который имеет позывной «Снайп» - от слова *снайпер*. Смирренная Соня Мармеладова становится центральным женским образом произведения, где обретает *новое слово* и где произносится *новое слово* о ней.

Наиболее яркими представителями современной прозы, обращающимися к традиции и воссоздающими смиренный женский образ, являются Е. Водолазкин и А. Варламов, творчеству которых посвящена третья глава.

Параграф 2.3. «Трансформация традиции в современной прозе: творчество Л. Улицкой» носит полемический характер в отношении устоявшегося мнения об образах Сонечки («Сонечка») и Медеи («Медея и ее дети») как праведных героинь. Ряд исследователей, интерпретируя произведения, наделяют эти образы смирением, жертвенностью, сравнивая, например, образ Сонечки с образом Сони

Мармеладовой, или утверждают их родство агиографическим праведницам, относящимся к житийно-идиллическому сверхтипу [Вяльцев 1998, Лариева 2009, Абдуллина, Латыпова 2017 и др.].

Тексты Л. Улицкой мы рассматриваем как пример авторского активно-преобразующего обращения к традиции, служащего трансформации смиренного образа. Действительно, автор обращается к традиционной агиографической топике, однако агиографический канон в текстах используется в качестве конструкта, позволяющего выстроить особую архитектонику образов, внешне опирающуюся на традицию, но внутренне противоположную ей. При моделировании женских смиренных образов автор использует приемы иронии и пародии, характерные для постмодернизма, с их помощью нивелируя сакральное значение прецедентных образов: обыгрывается и пародируется внешность героинь, сочетающая иконичные и анималистические черты; в повествование о смиренной героине вводится мотив *свободы плоти*, замещающий мотив *целомудрия*, мотив *бытостроения*, замещающий мотив *домостроительства*; служение Богу-Слову, характерное для агиографического героя, заменяется служением слову печатному (например, в «Сонечке» молитва замещается чтением). Образ праведницы-Медеи расположен за пределами центральных для смиренного героя категорий – греха и покаяния. Смирение как главное качество древнерусских святых и идеальных героев русской литературной классики лишается основного признака – свободы выбора и ответственности за него; не действует принцип синергичности, определяющий модель проведения смиренного героя в христианском его понимании; отсутствует в образах центральная для смиренного героя идея спасения и, как следствие, искажается идея образа смиренной героини – женщины-*помощницы*, что позволяет говорить о непричастности женских образов Л. Улицкой к образам житийных праведниц на идейно-содержательном уровне и свидетельствует о радикальной трансформации национального культурного кода.

В главе III. «Тип смиренной героини в творчестве Е. Водолазкина и А. Варламова», состоящей из двух параграфов, каждый из которых включает в себя два раздела, рассматриваются особенности авторского обращения к Евангельской и агиографической традиции, влияющие на уникальность изображения смиренной героини. Е. Водолазкина и А. Варламова объединяет не только их любовь к слову, выраженная в профессиональной и творческой принадлежности литературе (Е.Г. Водолазкин известный медиевист, А.Н. Варламов – исследователь литературы XX века), но обращение к традиции как сокровенному источнику.

Выявляются константные черты, *традиционные* для смиренного типа и воссозданные в женских образах произведений Е. Водолазкина и А. Варламова, а также рассматриваются художественный метод, формы и приемы, с помощью которых авторы создают уникальную *новую* поэтику смиренных женских образов.

Параграф 3.1. «Агиографическая традиция в прозе Е. Водолазкина» посвящен исследованию романов Е. Водолазкина и представленных в них женских образов в контексте агиографической традиции. Ориентация Е. Водолазкина на традиционные аксиологические константы ставит его произведения в один ряд с классическим русским романом. При этом проза Водолазкина отличается сложностью эстетически-художественной формы, отвечающей запросу современного искушенного читателя на оригинальность. Автор использует приемы модернизма и постмодернизма, играет временем и пространством, актуализируя с их помощью обращение к традиционным смыслам.

В подпараграфе 3.1.1. «Женские образы в романах Е. Водолазкина ("Лавр", "Авиатор", "Чагин")» развивается мысль о том, что ключевые для романов Е. Водолазкина идеи покаяния и спасения обусловлены влиянием женских образов, хотя они и второстепенны.

Так, в романе «Лавр» образ Арсения является центральным. Однако образ Устины, его возлюбленной, является ключевым в сюжетном повествовании о пути главного героя к спасению. Любовь к Устине, память о ней, чувство ответственности за ее посмертную участь обуславливают духовный путь главного героя. Арсению, ставшему виновником гибели возлюбленной и сына, предстоит прожить свою жизнь и за Устину. Автор экспериментирует с пространством и временем, помещая Устину в пространство метафизическое, откуда она, нуждающаяся в спасении, подвигает Арсения идти жертвенным путем, уподобляясь Христу. Идея совместного спасения и правильного выбора пути к нему является центральной в романе. Сопряженная с женским образом, идея спасения раскрывается через концепт *женщины-помощницы*.

Думается, что не будет преувеличением сделать вывод о том, что идеи вечной любви, милосердия Божьего, покаяния и спасения, определяющие духовно-нравственное содержание романа «Лавр», являются центральными и для других романов писателя. В романе «Авиатор» грехопадение и покаяние главного героя Иннокентия Платонова связано с его возлюбленной Анастасией. В романе «Чагин» путь главного героя Исидора Чагина неразрывен с его возлюбленной Верой. Идея вечной любви и спасения концептуально определяет и содержательное пространство романа «Оправдание Острова», где женский образ становится центральным.

В подпараграфе 3.1.2. «Образ праведницы в романе Е. Водолазкина "Оправдание Острова"»: агиографическая традиция и новые формы» рассматривается образ главной героини романа, княгини Ксении, анализируются способы авторского обращения к традиции на уровне житийной топики и аксиологического пространства. Идея совместного спасения в браке обращает читателя к параллели с Февронией Муромской. В описании детского образа Ксении и в сюжетном рисунке, связанном с героиней в разные периоды жизни,

прослеживаются типологические параллели с агиографической праведницей Ульянией Лазаревской.

Например, с помощью мотива чудесного рождения автор указывает на принадлежность героини к области сакрального и наделяет Ксению чертами, присущими описанию святой, *чуждой миру*. Сравнивая описание Ксении с образом праведницы в житии Ульянии Лазаревской, обнаруживаются не просто типологические параллели в описаниях детских образов Ульянии и Ксении, а фактически либо не прямое цитирование, либо, что будет точнее, агиографический топос. В детские годы Ксения, подобно Ульянии, не любит игр, избегает забав со сверстниками, она нелюдима и диковата, стремится к уединению и более к миру горнему.

Подобная параллель прослеживается и в желании Ксении уйти в монастырь после свадьбы, не спрашивая согласия мужа, а поставив его перед фактом. Образ Ксении наделен и другими чертами, присущими святой: горячей верой, стремлением к «безбрачному браку». Акцентным становится мотив, связанный со свободой выбора пути, конечной целью которого является спасение души. В романе идея личного спасения, неотделимая от образа святого, переходит на иной уровень, ведь, спасаясь в браке, праведники должны спасти не только себя, но и всех жителей Острова.

Уникальностью авторского нарратива является *сочетание* агиографических и собственно литературных приемов в выстраивании образа праведника, благодаря чему поэтика образа усложняется: ему присущи внутренний конфликт, эмоциональность, элементы психологизма, не характерные для житийного святого. Наделяя праведника чертами, не соответствующими читательскому ожиданию, автор наводит его на важное размышление: святой не безгрешен, он может ошибаться и быть несовершенным, ведь безгрешен и свят лишь один Господь Иисус Христос, а *люди святы Его святостью*. Антропологически это объяснимо словами из Священного Писания: «Несть человек, иже жив будет и не согрешит» (3 Царств. 8:46).

Несомненно, художественный образ Ксении сложен, лишен схематичности и однородности. Однако не укладывающиеся в традицию индивидуальные черты не затмевают *доминанты* образа, выраженной в *христианских идеях*: осознания своей греховности, прощения, милосердия, помощи ближним и любви ко всем людям, независимо от принадлежности сословию, кроткого несения унижений. Смирение героини выражается в проявлении ею внутренней свободы, в направленности воли к воле Высшей, в верности своему выбору. Героиня осознает свое недостойнство по сравнению с Божиим величием, несмотря на проведенную в чистоте действий и помыслов жизнь. Смирение Ксении приводит ее в итоге к самопожертвованию за жителей Острова, после чего происходит перемена и в сердцах

самих островитян, ранее разрозненных распрями. Люди учатся взаимопомощи, милосердию и сострадательной любви.

Параграф 3.2. «Типология женских образов и идея смирения в малой прозе А. Варламова» раскрывает проблему мировоззренческого кризиса людей советского и постсоветского времени, связанного со сменой духовно-ценностных доминант. Писатель обращается к образу смиренной героини, помещая ее в идеологический контекст эпохи, и тем самым указывает на духовную природу этого кризиса и на преображающую силу смирения, которым наделены его женские образы, подающие пример и физической стойкости, и духовной высоты.

Подпараграф 3.2.1 «Тип женщины-подвижницы в малой прозе А. Варламова» представляет галерею женских характеров, отличающихся направленностью на преображение мира, спасение личности, что проявляется как в физическом, нравственном, так и духовном плане. Идеальный тип героини малой прозы Варламова – тип женщины-подвижницы, способной привести к спасению мужчину (в прозе автора его образ, как правило, определяется чертами духовной и душевной слабости). Идея подвига сопряжена с идеей жертвы и проявляет себя на различных уровнях: внешне-телесном («Вальдес»), душевном («Ангел»), духовном («Таинство»). Идея духовного преображения раскрывается в пространстве религиозного контекста: образ героини рассказа «Таинство» отличает детская вера, внутреннее смирение. В рассмотренных художественных образах можно выявить их смысловую соотнесенность с образом бабушки А. Варламова, Марией Анемподистовной. Повлиявший на мировоззрение автора и воплощенный им в повести «Ева и Мясоедов», образ бабушки отличает доминанта самоотверженной жертвенной любви к человеку и этим может быть соотнесен с образом Ульянии Лазаревской. Жертвенность, терпение, служение людям, смирение перед Богом, – отличительные черты женских характеров малой прозы автора, что позволяет говорить о них как причастных христианской аксиологии.

В подпараграфе 3.2.2. «Агиографическая традиция в образе смиренной героини рассказа "Звездочка"» в центре внимания оказывается *идеал* смирения, венчающий разнообразие женских характеров в малой прозе автора. Он воплощен А. Варламовым в образе главной героини рассказа «Звездочка», девочки Лизы Непомилуевой. Используя агиографическую традицию, автор изображает героя-носителя евангельских ценностей в чуждой ему социокультурной советской среде. Сирота Лиза, воспитанная бабушками, прошедшими сталинские лагеря, отказывается носить звездочку октябренька, после того как узнает о том, что изображенный на ней Ленин – убийца. Чуждость, лейтмотивом проходящая через все пространство текста, приобретает особое звучание в контексте другого образа, представленного идеальным в советскую эпоху: тяжело больной пионерки, на смертном одре отказавшейся, вопреки просьбе матери, надеть крестильный крестик и умершей верной идеалам пионерии. Очевиден сюжетный диалог между

«Звездочкой» Варламова и поэмой «Смерть пионерки» (1932), принадлежащей перу Э. Багрицкого.

Образ Лизы определяется сложным перекрестием евангельских аллюзий, агиографических мотивов. Так, обращает на себя внимание использование топоса «о чудесном» ребенке, родившемся и растущем при необычайных обстоятельствах, отличающемся от сверстников. Авторское обращение к агиографии выявлено и в особом мотивном комплексе: мотивах свободы воли и свободы выбора, страдания, креста и крестоношения, кроткого несения поругания, которые могут быть рассмотрены как аллюзия к мученическому житию.

Связь образа Лизы с традицией раскрывается и через доминанту кардиогнозиса, или, иначе, постижения мира сердцем. Сердце Лизы раскрывается через описание ее эмоциональной сферы («тревожно колотится», «подпрыгивает от радости»), но по мере прохождения героиней своего непростого пути в нем происходят изменения: сердце становится «умным», «живым», «способным предугадывать». Категория кардиогнозиса не только помещает смиренный образ в пространство заповедей блаженства, но и является сюжетообразующей, определяющей всю архитектуру произведения.

В этой связи особое внимание уделяется рассмотрению рождественского и пасхального архетипов, представленных в рассказе. Соблюден трехчастный сюжет «сотворения (благоденствия) – грехопадения (испытания и искушения) – воскресения», несущий в себе идею духовного становления и преображения, что согласуется с пасхальным архетипом. Рождественский архетип имеет сложную структуру, сочетаясь с архетипом пасхальным. Он выражен многозначным символом звезды, приводящей читателя к мысли о Рождестве и рождественской звезде как символу жизни и Рая. Противоположное антихристианское начало заложено в трансформированном символе звездочки, где Бога заменяет человек. Осознавая эту подмену, отказываясь от звездочки, Лиза отказывается и от земной славы, и через этот отказ и последовавшую за ним предполагаемую физическую смерть, что возводит ее образ к идее мученичества за Христа, выбирает крестный спасительный, или, иначе, пасхальный путь.

Анализ рассказа приводит к выводу о том, что девочка, как путеводная звездочка, способна указать своей жизнью путь к Истине, что выражается и в многозначном заглавии рассказа, и в типе подвига Лизы Непомилуевой, схожего с подвигом новомучеников XX века, который возводит образ героини к идее святости. В этом контексте рассказ А. Варламова можно рассматривать как воплощение в художественном произведении того «евангельского текста», который «делает русскую литературу *русской*» [Захаров, 1994: 9].

Таким образом, традиционность в изображении идеальной героини в текстах современных авторов выражается на уровнях ценностно-смысловом и формаль-

ном в их неразрывности, при этом обращение к традиции не ограничивает писателя, предоставляя ему свободу для творческой реализации, экспериментов в использовании форм, приемов для изображения уникального образа смиренной героини. Смиранный женский образ, рассмотренный нами в библейском, агиографическом и литературном контекстах, становится «сквозным», связывающим воедино разрозненные временем эпохи, неизменным в своих *традиционных* характеристиках, и *новым* в художественном воплощении каждого автора.

В **заключении** содержатся выводы, относящиеся к процессу развития образа смиренной героини, воплощению его традиционных, константных и переменных, новых черт применительно к историко-литературному процессу трех периодов, делается акцент на новом в образе смиренной героини в прозе Е. Водолазкина и А. Варламова. Намечаются перспективы исследования в области генезиса и типологии идеальных героев русской прозы, что, как представляется, отвечает запросам современного развития исторической поэтики в дискурсе этнопоэтики.

Основные положения диссертации отражены в семи публикациях автора общим объемом 5,7 п. л.

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ

1. Харитонова А.В. Библейский сюжетный архетип в повести А.С. Пушкина «Метель» // Культура и образование. 2020. № 3 (38). С. 68 — 76. (0,7 п.л.).
2. Дорофеева Л.Г. Харитонова А.В. Трансформация агиографической традиции в повести Л. Улицкой «Сонечка» // Мир русского слова. 2022. №1. С. 48 — 54. (0,5 п.л.).
3. Дорофеева Л.Г., Харитонова А.В. Рождественский и пасхальный архетипы в рассказе А. Варламова «Звездочка»: к проблеме типологии сюжета и героя // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №2. С. 98 — 106. (0,35 п.л.).
4. Харитонова А.В. Женские образы в малой прозе А. Варламова // Ученые записки Новгородского университета. 2023. № 4 (49). С. 377 — 381. (0,75 п.л.).

Статьи, опубликованные в изданиях Scopus

5. Харитонова А.В. Рецепция агиографической традиции в рассказе А. Варламова «Звездочка» // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 4. С. 252 — 271. (1,5 п.л.).
6. Харитонова А.В. Образ праведницы в романе Е. Водолазкина «Оправдание Острова» // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 2. С. 295 — 316. (1,5 п.л.).

Статьи, опубликованные в других изданиях

7. Харитонова А.В. Тип смиренной героини в «Повести о Петре и Февронии» Ермолая-Еразма и «Капитанской дочке» А.С. Пушкина // Слово. Словесность. Словесник: материалы международной науч.-практ. конф. преподавателей и студентов, 20 апреля 2023 года. РГУ им. С.А. Есенина. Рязань: ИП Коняхин А.В. (Book Jet). 2023. Вып. 9. С. 18 – 21. (0,4 п.л.).

Харитонова Анна Владимировна

**ОБРАЗ СМирЕННОЙ ГЕРОИНИ В СОВРЕМЕННОЙ
РУССКОЙ ПРОЗЕ: ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 13.10.2023 г.
Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 1,5
Тираж 90 экз. Заказ 97

Отпечатано в Полиграфическом центре
Балтийского федерального университета им. И. Канта
236001, г. Калининград, ул. Гайдара, 6